

СВЕТ

№ 136

Май

2021 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского

Православия

2 мая

Светлое Христово Воскресение
Пасха

Христос Воскресе!

**ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВЛАДИМИРА,
ЕПИСКОПА НОВОКУЗНЕЦКОГО И
ТАШТАГОЛЬСКОГО,
ПАСТЫРЯМ, ДИАКОНАМ,
МОНАШЕСТВУЮЩИМ
И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ**

Возлюбленные о Господе достойные пресвитеры и диаконы, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне, братья и сестры!

От всего сердца я поздравляю вас с Пасхой Христовой, с праздником Светлого Христова Воскресения!

Сегодня радость и торжество воссияли всему миру. И церковные песнопения призывают нас присоединиться к этой радости: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны».

С Воскресением Христовым для всех нас наступило светлое утро новой жизни! Своим Воскресением Господь положил начало общему блаженному воскресению из мертвых, как об этом говорит святой апостол Павел: «Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех людей. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших... Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15:19-22). Преподобный Ефрем Сирин объясняет эти слова так: «Как Адам был началом смерти всех живых, так Господь наш стал началом жизни всех мертвых». Поэтому для человека не страшна уже

смерть, если он верует во Христа Распятого и Воскресшего!

Своими страданиями, о которых мы вспоминали на Страстной седмице, Господь наш Иисус Христос учит всех нас, что мы должны терпеливо переносить все невзгоды земной жизни. Но после сей земной жизни, после всех страданий, наступит и наше воскресение. Все мы воскреснем, как воскрес наш Спаситель.

Будем же радоваться, дорогие братья и сестры, ибо Господь, открыл нам двери рая и дарует прощение всем, кто очистил свою душу от грехов и страстей. И поэтому Святая Церковь призывает нас к духовному торжеству: «Воскрес Иисус из гроба, якоже прорече, даде нам живот вечный и велию милость».

Пусть же пасхальная радость озаряет наши души и сердца! И укрепленные силой Воскресения Христова, будем ревностно совершать все то, что способствует развитию церковной жизни, что служит созиданию мира, любви и согласия!

Пусть радость о Христе Воскресшем пребудет и с теми, кто не смог в силу разных обстоятельств в

этот светлый праздник присоединиться к нам, потому что пребывает на одре болезни или в заточении, находится в дороге или исполняет свои служебные обязанности.

Пасха Христова - неиссякаемый источник благодатных даров Божиих. Замечательно об этом говорится в акафисте Воскресению Христову: «Христос воскрес, и вся тварь радуется! Христос воскрес, бездну милости и щедрот изливав на род наш! Христос воскрес, и Тело Его, яко Хлеб Жизни, вси приемлем! Христос воскрес, и Крови Его, яко Источника Безсмертного, вкушаем! Христос воскрес и с Собою вся воскресит, зовущия: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»»

Христос воскрес!

Владимир,

Епископ Новокузнецкий и Таштагольский

Пасха Христова 2021 г.

г. Новокузнецк

Пасха, Светлое Христово Воскресение

Что такое Пасха

Пасха — главный праздник всего церковного года, смысловый центр православного календаря. **Пасха** — это праздник Воскресения Христова.

Это переходящий праздник, его дата меняется год от года и зависит от лунно-солнечного календаря. Праздник не принадлежит к числу двенадцати двенадцатых праздников, а стоит как бы над их кругом, потому что его значение по-настоящему уникально.

На Пасху мы вспоминаем события, описанные в Новом Завете всеми четырьмя евангелистами — Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Четыре Евангелия рассказывают о днях Страстной седмицы и Воскресении Христовом.

В пятницу Страстной седмицы — Страстную, или Великую, пятницу — Спаситель был распят на кресте. Ученики похоронили Его в гроте — пещере, которая находилась рядом с Голгофой, горой, где совершались казни — распятия.

В ночь с субботы на воскресенье, то есть накануне иудейской Пасхи, Мария Магдалина и две другие женщины пришли к пещере, чтобы омыть и умастить благовониями тело казненного Христа. Этим женщин в Церкви принято называть Женами-мироносицами.

Преданные Господу ученицы обнаружили, что камень, закрывавший вход в пещеру, отвален, а сам гроб пуст. Им явились два Ангела и возвестили Воскресение Христа: «Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?» (Лк 24:4-5).

Воскресение Христово — это смысловый центр всего христианства. Апостол Павел писал в Первом послании коринфянам: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор 15:13-14).

Что значит слово «Пасха»

Слово «**Пасха**» буквально переводится как «прохождение мимо, переход, избавление». На иврите **Пасха**: *pesah*. На греческом: *πάσχα*. На латыни: *Pascha*.

Праздник Воскресения Христова получил название «Пасха» от еврейского праздника Пасхи. Песах у иудеев посвящен Исходу израильтян из Египта и освобождению их от рабства. Эти события описаны в Ветхом Завете.

Почему христиане взяли название иудейского праздника? Дело в том, что события Страстной седмицы — предательство Иуды, арест Христа, Страсти Христовы и распятие — произошли накануне еврейской Пасхи. А Воскресение Христово — в ночь на Пасху.

Как рассчитывается дата Пасхи

Существует специальный термин — «пасхалия». Это система расчета даты православной Пасхи.

По поводу даты Пасхи есть постановление Первого Вселенского собора, которое было проведено Церковью в 325 г. в городе Никее. Оно гласит: православная Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния, которое наступает после или в день весеннего равноденствия. Правило действует только в случае, если это воскресенье приходится на день ПОСЛЕ дня празднования еврейской Пасхи. Если воскресенье приходится на день ДО еврейской Пасхи, православную Пасху отмечают в первый воскресный день после дня еврейской Пасхи.

Получается, что дата празднования Пасхи лежит в пределах от 4 апреля до 8 мая по новому стилю.

Пасхальное приветствие — христосование

Пасхальное приветствие — христосование — обычай, который пошел еще от Апостолов. «Приветствуйте друг друга с целованием святым», — писал Апостол Павел в своем послании к римлянам (Рим 16:16).

Христосоваться — значит приветствовать друг друга словами: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!», при этом троекратно целуя друг друга в щеки.

Верующие здороваются таким образом начиная с пасхальной ночи и еще сорок дней — до отдания праздника Пасхи, праздника Вознесения Господня. В пасхальную ночь христосование происходит в конце пасхальной утрени. Сначала с Воскресением Христовым поздравляют друг друга священнослужители в алтаре. Потом они выходят из алтаря с крестом, Евангелием и иконами, становятся перед царскими вратами, лицом к молящимся в храме. Прихожане целуют Евангелие, крест и иконы и христосуются между собой.

Это приветствие — выражение ликования, радости от вести о том, что Спаситель воскрес.

История празднования Пасхи

После Пятидесятницы, то есть соше-

ствия Святого Духа на Апостолов, которое произошло в пятидесятый день после Пасхи, последователи Христа впервые начали проводить особую службу — Литургию. На Литургии совершалось Таинство Причастия, которое установил сам Христос на Тайной Вечере. Литургии совершались как раз по примеру Тайной Вечери.

В первые века христианства Пасха отмечалась каждую неделю. В пятницу христиане постились и вспоминали страдания Спасителя на кресте. В воскресенье — радовались и славили Христа воскресшего. Весной, в период иудейской Пасхи, Пасха была особенно торжественной, потому что именно на иудейскую Пасху произошли распятие и Воскресение Христовы.

Во II веке праздник становится во всех Церквях ежегодным. Сначала было как бы две Пасхи: «Пасха крестная» и «Пасха воскресная». Страдания и смерть Христа отмечались особым постом и назывались «Пасха крестная». Она совпадала с иудейской Пасхой, а постились до ночи с субботы на воскресенье. В воскресенье отмечалась Пасха радости, или «Пасха воскресная», то есть Воскресение Христово.

Вопрос единого для всех христиан дня Пасхи поднял император Константин Великий. В 325 г. он созвал епископов в город Никея в Малой Азии. Мы теперь называем это Первым Вселенским собором. Епископы решили согласовывать день празднования Пасхи между христианскими общинами разных стран. Воскресение Христово постановили отмечать строго после иудейской Пасхи и всегда в воскресенье. Днем христианской Пасхи выбрали ближайшее воскресенье после первого весеннего полнолуния.

Сначала восточные Церкви и Рим праздновали Пасху в один день, определяя вместе ее дату. Потом сообщение между ними прервалось, Восток и Рим начали праздновать Пасху каждый по своим вычислениям, часто в разные дни.

Само слово «Пасха» стало общепри-

нятым для обозначения праздника Воскресения Христова в V веке. Постепенно Пасха приобрела самое большое значение среди других христианских праздников, ее стали называть «праздников праздник».

Что такое артос

В православных церквях на Пасху освящается особый квасной хлеб — артос, или просфора всецелая. Исторически те, кто не мог причаститься в храме в день Христова Воскресения, могли ощутить единство с общиной, вкусив этот хлеб. На артосе изображают крест, на котором есть только терновый венец, но нет Распятого Спасителя. Это знамение победы Христовой над смертью.

В современные дни артос раздают верующим в субботу Светлой седмицы, чтобы те хранили его дома в течение всего года. В особых случаях его можно использовать в качестве антидота. Дословно с греческого языка это слово переводится как «вместо Причастия». Артос вкушают натошак при болезнях.

<https://foma.ru/pasxa-svetloe-xristovo-voskresenie-2014.html>

Светлое воскресенье

К. Ушинский

Я решил не спать в эту ночь; ре в большой колокол: в других

но, когда стемнело, братья и сестры заснули, то и я, сидя в креслах, задремывал, хоть и знал, что в зале накрывали большой стол чистою скатертью и расставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хороших вещей. Ровно в полночь ударили в собо-

церквях ответили, и звон разлился по всему городу. На улицах послышалась езда экипажей и людской говор. Сон мигом соскочил с меня, и мы все вместе отправились в церковь. На улицах темно; но церковь наша горит тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валит столько, что мы едва протеснились. Мамаша не пустила меня с крестным ходом вокруг церкви. Но как обрадовался я, когда наконец за стеклянными дверями священники появились в блестящих ризах и запели «Христос воскрес из мертвых!». Вот уже именно из праздников

праздник!

После ранней обедни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокруг церкви!

Мы воротились домой, когда уже рассветало. Я похристосовался с нашей нянею: она, бедняжка, больна и в церковь не ходила. Потом все стали разговариваться, но меня одолел сон.

Когда я проснулся, яркое солнышко светило с неба и по всему городу гудели колокола.

<https://iknigi.net/avtor-sbornik/175807-ristos-voskrese-pas>

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОСКРЕСЕНИЯ

Сергей Худиев

Люди, которые отрицают Воскресение Христова, оказываются в парадоксальном положении — они живут в мире, созданном Событием, которого, на их взгляд, не было. В самом деле, можно верить или не верить во Христа. Но невозможно отрицать, что мы живем в мире, сформированном христианством — наши языки и культуры, архитектура и музыка, то, как мы видим мир и человека, то, что хвалим и порицаем, короче говоря, все, что мы есть — несет на себе печать христианства. Даже нехристиане, даже яростные антихристиане дышат воздухом и говорят языком, пропитанным Библией, даже большевистский лозунг «кто не работает, тот не ест» взят на самом деле у апостола Павла, а знаменитая статуя «Перекуем мечи на орала», созданная в 1957 году советским скульптором Вучетичем, обращается к словам из книги пророка Исаии. Благодаря за переданную сдачу, мы говорим «спасибо» и называем особенно наглую ложь «безбожной». Всей европейской

культуры — величественных соборов, хоралов Баха, изображений, созданных преподобным Андреем Рублевым и Джотто, — не было бы, если не одно Событие — Воскресение Христа из мертвых.

Христианство и вся христианская цивилизация умерла бы, не родившись, если бы Тело Распятого осталось лежать в гробнице.

Иногда люди пытаются сравнить Христа с другими людьми, которые повлияли на мир; но когда мы пытаемся сделать это, в глаза бросается не только различие масштабов, но и различие ситуаций. Александр Македонский, несомненно, изменил лицо мира — но у него была многочисленная, закаленная в боях армия. Он шел от победы к победе и умер, окруженный своими соратниками. Будда со своим учением немало повлиял на развитие целых регионов — но он, по крайней мере, добился успеха в создании общины, которая восприняла его учение и понесла его дальше. Смерть

также застала его среди почтительно слушающих учеников. Мы можем называть другие имена — но все эти люди достигли успеха и к моменту своей смерти заложили прочное основание того, что их дело не погибнет.

Евангельская же история, если оставаться, не доходя до Воскресения, — есть история поражения, полного, окончательного провала. От Иисуса отворачиваются все — фарисеи и саддукеи, римляне и иродиане, политическая элита и толпа простонародья. Многие ненавидят Его и хотят погубить.

Иисус умирает смертью, предназначенной для самых презираемых и бесправных преступников, смертью, настолько унижительной, что ей нельзя предать римского гражданина. Один из учеников продает Его за тридцать сребреников, другой три раза отрекается, все оставляют Его и бегут. При Кресте остается только Его Мать с некоторыми женщинами и апостол Иоанн.

Ученики вовсе не полны энтузиазма — они пребывают в страхе и глубокой подавленности. И это понятно: Распятие может означать только одно — они жестоко ошиблись. Само Евангелие передает эту атмосферу растерянности и уныния: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло» (Лук. 24:21). Более того, даже когда жены мироносицы сообщают ученикам о пустой гробнице и об ангелах, возвещающих Воскресение, ученики не верят: «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лук. 24:11).

Евангелие в этом отношении удивительно жестко: столпы Церкви, апостолы, показаны не с самой благоприятной стороны. И такое свидетельство может быть только истинным и только исходящим от самих апостолов — вся позднейшая христианская литература, естественно, проникнута благоговейным к ним почтением и никто в последующих поколениях христиан не посмел бы приписать апостолам что-то подобное.

Итак, мы видим Иисуса, казненного лютой и бесчестной смертью, единодушно отвернувшийся народ, разбежавшихся учеников — картину полного и тотального поражения, за которым могло следовать только полное забвение. Ученики постепенно бы отошли бы от потрясения и вернулись к своим повседневным занятиям, а в глазах народа Иисус остался бы просто еще одним провалившимся соискателем на роль Мессии — не первым и не последним.

И вот происходит что-то, что меняет всю эту картину — растерянные, подавленные ученики превращаются в бесстрашных проповедников Евангелия. Те, кто испуганно прятались, опасаясь, что за ними придут, теперь сами смело выходят навстречу гонителям с возвещением: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2:36). Они выходят с посланием, всю шокирующую неожиданность которого нам, по прошествии двух тысяч лет, трудно понять: Этот Человек, Распятый на Кресте — есть Божий Мессия, Господь, Судия. Он Тот, в Ком Бог дарует вечное спасение иудеям и язычникам, всему человеческому роду.

Что могло настолько изменить учеников? Только то, о чем говорили они сами — Христос воскрес, и они видели Его живым. Беседовали с Ним. Разделяли трапезу. Как говорит святой апостол Иоанн, «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1Иоан. 1:1-2).

До сих пор мы живем среди свидетельств этого События. Они повсюду: в нашем языке, культуре, музыке, архитектуре, прозе и поэзии, дереве и камне... Так многое говорит: «Христос воистину воскрес!», что нам достаточно открыть глаза, чтобы их увидеть.

<https://pravoslavie.ru/70187.html>

Христос воскрес, заклепы адовы сломав

Олег Иванов

Христос воскрес, заклепы адовы сломав.
Христос воскрес, у смерти вынул жало.
Христос воскрес — бессмертия начало,
Христос воскрес, нас к обновлению призвав.

Христос воскрес, за зло лукавому воздав.
Христос воскрес, всё претерпев, что унижало.
Христос воскрес, чтоб знамя крестное блистало.
Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ
И сущим во гробах живот даровав.

Христос воскрес — ликуют небо и земля!
Христос воскрес — щебечут птицы в поднебесье.
Христос воскрес — в душе сладчайшей песней.

Христос воскрес — нет в мире выше чести.
Христос воскрес — наш ходатай и вестник.
Христос воскрес, Отца за грешных всех моля!

Воскресение Христа

Вильгельм Кюхельбекер

Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес!

Так! Ад пред Сильным изнемог:
Из гробовых вериг,
Из ночи смерти Сына Бог
И с Ним тебя воздвиг.

Из света вечного Господь
Сошел в жилище тьмы,
Облекся в персть, оделся в плоть —
Да не погибнем мы!

Неизреченная любовь,
Всех таинств высота!
За нас Свою святую Кровь
Он пролил со креста.

Чистейшей Кровию Своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти темных сил.

Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй душа; Он пред тобой
Раскрыл врата небес!

<https://poemata.ru/poets/kyuhelbeker-vilgelm/>

Мои посмертные приключения

Юлия Вознесенская

Сил у него не было, и работал он плохо. Чтобы он мог тащить со мной носилки, приходилось класть на две плиты меньше, чем носили мы с прежней напарницей. Но мне с ним работалось спокойно. Я старалась, чтобы нашу хитрость не заметили душееды-начальники.

Но они, конечно, в конце концов это увидели и объявили, что Лопоухий в ближайшее время будет съеден. Я испугалась за него и стала думать, как ему помочь? Я не хотела нового напарника.

Я решила Лопоухого немного подкормить. Когда белая птица опять сбросила мне хлеб, я его отдала Лопоухому, а сама стояла рядом и, пока он ел, отгоняла барачников.

Он съел весь хлеб без остатка и вопросительно посмотрел на меня.

— Больше нет. Потом еще будет.

Он отвернулся и молча пошел к нашим носилкам. Даже спасибо не сказал.

Когда мы несли уже последние в этот день носилки с плитами, я почувствовала опасность и незаметно огляделась. Два старших душееда-охранника стояли в стороне и глядели на нас, о чем-то переговариваясь.

— Ты! — ткнул в меня дубинкой один из них. — Оставь носилки и иди строиться. А ты оставайся на месте! — Лопоухий послушно остановился.

— Бросай носилки и беги в колонну! — шепнула я ему. Он поглядел на меня, похлопал своими выпученными глазами и с визгом бросился к строящейся колонне. Ему удалось смешаться с толпой.

Душееды разъярились и набросились на меня, размахивая дубинками. Они избивали меня и рвали мое тело железными крючьями. Я пыталась защититься руками хотя бы голову. Они принялись пинать и топтать меня ногами, и я скоро перестала себя помнить.

Когда я очнулась, я услышала отчаянный крик Лопоухого:

— Не отдам! Прочь отсюда, собаки! Не дам ее грызть! Она хорошая!

Открыв глаза, я увидела, что Лопоухий стоит надо мной, в руках у него ручка от наших носилок, и он ею отгоняет от меня диких душеедов. Я поняла, что лагерные душееды побрезговали меня жрать и бросили валяться на дороге, а вот теперь дикие сбежались на падаль. Но какой молодец Лопоухий, что не бросил меня! Вот только за сломанные носилки придется теперь отвечать... Бить будут.

Я приподнялась, и тут душееды увидели, что я для них несъедобна, — слишком светлым стало за это время мое тело от небесного хлеба. Лопоухий протянул руку и помог мне встать. Душееды отступили. Сев недалеко от нас, они подняли головы и завывали.

— Ты опять живая стала, как хорошо! — сказал Лопоухий и погладил мое плечо тощей рукой. — Пойдем скорей в лагерь, может быть, нас еще пустят в барак. Здесь страшно.

— Ни в какой лагерь и ни в какой барак мы не вернемся! Мы уходим отсюда. Палку свою прихвати с собой — пригодится в дороге.

Лопоухий завыл, как голодный душеед.

— Ты чего воешь?

— Стра-а-ашно!

— Тогда возвращайся один. Я ухожу!

Я подняла то, что осталось от наших носилок и начала их доламывать: для того, что я задумала, нужен был строительный материал. Жаль, что инструменты барачники уносили после работы в

лагерь. Лопоухий дурак не догадывался мне помочь, а стоял, наблюдая за моей работой, и хлопал глазами.

Взвалив на плечо разломанные на доски носилки, я повернулась и решительно зашагала в сторону поселка отшельников. Позади раздался душераздирающий вой с подвсхлипываниями. Я знала, что вернусь, если Лопоухий не пойдет за мной, но мне так этого не хотелось!

Я шла не оглядываясь, но слышала, что его скулеж не отстает от меня. Через некоторое время я приостановилась, чтобы он мог меня догнать: еще струсит идти один и повернет к баракам.

Он поравнялся со мной и взял меня за руку. Другой рукой он волок по земле палку от носилок.

— Давай вернемся в лагерь!

Тьфу ты! Я крепче сжала его руку и потащила за собой.

Мы подошли к первым каменным коллдам, и оттуда полетели камни и вопли: «Уходите! Здесь все занято!» Ну и ладно. Такое-то убежище мы и сами себе построим, даже еще лучше.

Мы прошли весь поселок отшельников и вышли в открытую пустыню. Я нашла подходящую скалу, возле которой на земле было достаточно обломков, и сбросила свою ношу.

— Вот здесь будем жить! — сказала я Лопоухому.

— Стра-а-ашно!

— Чего тебе страшно, дурачок?

— Придут. Съедят.

— Не трусь, со мной не съедят! — я хлопала его по плечу с покровительственным видом. — Мы построим хороший дом, и они до нас не доберутся. А теперь начинай носить камни, выбирай какие побольше.

Учить таскать камни его не надо было, в лагере научился. Он даже умел выбирать ровные обломки, которые было удобно укладывались друг на друга. Это было очень важно, чтобы они ложились плотно. Дом у нас должен быть крепкий, чтобы любое нападение выдержал. Тут ведь кругом опасность!

Глава 8

И чего это мне не сиделось на месте?

Жили вроде хорошо, ни о чем не тужили. Дом у нас получился крепкий, такого ни у одного отшельника не было. С крыши и дверью!

Я не шучу. Мы ведь притащили с собой две длинных палки от носилок, вот мы их и приспособили вместо балок, а сверху положили большущую ровную плиту. Дверью нам служили четыре доски от носилок: мы ими изнутри загораживали вход и к ним приваливали тяжелый камень. Полная безопасность! Пару раз к нам сунулись душееды, но у нас в доме на этот случай была припасена куча камней. Мы запросто отбились.

Домик был небольшой, только чтобы можно было сидеть и лежать вдвоем, а если хотелось походить или постоять, то мы выбирались из него и прогуливались рядом со скалой. Далеко не отходили, боялись. Лопоухий старался всегда держаться за мою руку.

Нам вдвоем было хорошо и спокойно.

Лопоухий или молчал, или жаловался на судьбу. Я его особенно не слушала: одна была у волка песня, и ту он украл. Я ему так и сказала. А он пристал: «Что такое песня? Кто такой волк?». Будто я знаю. Говорят так, вот и все.

Главное, он добрый был, дурачишка этот, и я ему верила. Верить ведь никому

нельзя. А ему можно было. Я знала, что он лучше даст сожрать себя живо, а меня не предаст. Такой уж был Лопоухий. Трусливый, но верный.

Мы теперь стали поправляться. Каждый день белая птица приносила нам хлеб, и мы его съедали вдвоем — целый хлеб на двоих! У Лопоухого появились губы, а то была одна щелка вместо рта. У него даже уши стали меньше оттопыриваться. Может, мне потому и захотелось вдруг куда-то идти, что сил у нас прибавилось? Ну и посветлели мы здорово, стали почти серенькие. Очень это было красиво. Лопоухий так и сказал мне:

— Ты красивая!

— Ты тоже ничего. Еще бы ныл поменьше, цены бы тебе не было.

— Так ведь я же очень несчастный! Ты ведь знаешь, что несчастней меня никого нет.

— А те, кого душееды съели, они что, счастливей тебя?

— Да. Их ведь уже съели. Им не надо бояться.

— Ты дурачок. Неужели тебе нравится быть несчастным?

— Конечно! Ведь ты меня жалеешь?

— Ты сам себя здорово жалеешь. Подумай сам, зачем мне делать лишнюю работу?

Он обиделся и замолчал. Он часто обижался. Я думаю, он маленький был, хоть и был ростом выше меня, а по уму — мальчишка и мальчишка. Я была взрослей его, он это понимал и почти всегда слушался. Кроме одного раза: это когда я ему сказала, что нам надо бросить дом, забрать с собой доски и идти дальше.

— Куда? Куда идти-то? Ты совсем глупая, если так говоришь. Нас съедят по дороге. Такой дом, такие стены, дверь, крыша — чего тебе еще надо? А хлеб? Мы уйдем в другое место, а в другом месте, может быть, хлеба-то и не будет, а?

Кошмар! Никогда еще Лопоухий не говорил столько слов подряд. Я поняла, что ему будет плохо, если мы уйдем из нашего дома неизвестно куда, и решила остаться.

— Успокойся! Если ты не хочешь, мы никуда не пойдем.

Он как будто успокоился, только еще долго возился в своем углу и ворчал: «Уходить куда-то... Чтб съели... Чего выдумала!»

Но прошло какое-то время, и у меня появился план, о котором я решила пока не говорить Лопоухому. Я начала откладывать половину нашего хлеба, чтобы взять в дорогу.

Лопоухий не понимал, для чего я это делаю, и если находил спрятанный хлеб, тут же его съедал. Еще радовался и меня угощал: «Смотри, что я нашел!» Я поняла, что так дело не пойдет.

Встречать белую птицу с хлебом всегда я выходила. Я научилась чувствовать, когда она должна прилететь. И вот, подобрав хлеб, я половину спрятала на крышу нашего дома.

Назавтра я положила целый хлеб на крышу, а Лопоухому скормила половинку. Этот дурачок всегда ходил свесив голову, вот он и не заметил, как на крыше скопилось целое богатство — семь хлебов!

И еще что-то мне удалось предпринять.

Я постаралась заметить, откуда прилетает птица с хлебом. Я набрала камней и выложила из них стрелку острием в

ту сторону. Несколько раз проверила, и получилось, что она точно указывает на то место, откуда прилетает белая птица. Дальше я уже знала, что надо делать, чтобы не сбиться с пути.

И вот, когда мои приготовления были окончены, я сказала Лопоухому:

— Все. Сегодня уходим.

— Я не пойду! Нет!

— Пойдешь. Один ты тут без меня пропадешь.

— Пропаду. Да.

— Вот и идем со мной.

— Нет. Это ты со мной оставайся.

Начинай сначала!

Я просто вылезла из дома и начала его рушить. Лопоухий страшно кричал и плакал, видя, как я ломаю крышу, а потом дверь. Он не утешился, даже когда я ему показала сбереженный мною хлеб. Я нагрозила его досками и ручками от носилок, а сама сложила стопкой все семь хлебов: нельзя было доверить хлеб ему, он бы его обязательно слопал.

Доски ему тоже опасно было доверять, потому что он мог их потерять или бросить. Но я решила получше посмотреть за ним в дороге.

Доски он хотя бы грызть не станет.

Прилетела птица, покружилась над нами и уронила хлеб. Она опять улетела в ту сторону, куда указывала выложенная мною стрелка. Потом она скрылась за тучами, но я заметила вдалеке скалу, над которой она исчезла. Я постаралась хорошенько запомнить ее, чтобы не сбиться с пути. После этого оставалось только отправляться в дорогу, что я и сделала. А Лопоухий поплелся за мной, стеная и жалуясь.

Нам не повезло. Мы прошли только половину пути к намеченной скале, как из какой-то ямы вылезло трое доходяг. Они закричали, чтобы мы отдали им хлеб похорошему.

— Не-ет, — завопил Лопоухий, — это наш хлеб!

Он бросил доски, схватил палку и пригрозился драться.

— Стой! — сказала я ему строго. — Их трое и они голодные. Голодный всегда сильнее.

Мы дадим им хлеба и пойдем дальше. — Как это? — не поверил один из доходяг. — Вы САМИ отдадите свой хлеб?

— Ну да. А что же нам еще делать? Мы дадим вам хлеба, чтобы вы не отняли его у нас силой. Это понятно? Вот, берите.

Я положила на землю три хлеба. Они были страшно голодные, и так набросились на хлеб, что и про нас забыли. А я схватила Лопоухого за руку и потащила его прочь. Вот так и пропали наши дощечки, некогда было их подбирать. Осталась одна палка в руках Лопоухого. Ну да и это хорошо, все-таки оружие...

Когда мы отбежали на безопасное расстояние и оглянулись, мы увидели, что и бежали-то зря: эти трое сидели, уткнувшись в хлеб, и друг на друга-то не глядели, не то что на нас.

— Я должен вернуться и забрать доски? — уныло спросил Лопоухий.

— Да ну их! Другие найдем, — сказала я, чтобы он не очень переживал.

А он и не переживал. Он сразу же забыл про них, как только отвернулся. И начал кланяться хлебу:

— Да-а, чужим даешь, а мне жалеешь!

Пришлось дать ему кусочек. А за ним другой, это уж как водится.

Он остановиться не может, пока все не подьест. Всего три хлеба у нас осталось на дороге, а мы еще от дома едва отошли.

Но уж если не повезет, так не повезет.

Только мы забыли про эту троицу, как навстречу нам попала девушка-старуха. Шла она нога за ногу, вся какая-то горбатая, а лицо — молодое. Только уж такое несчастное и унылое, что на него и смотреть не хотелось.

Поравнявшись с нами, она тихо спросила:

— Где дорога к озеру Отчаяния?

— Тебе зачем туда?

— Уснуть бы... Очень тяжело мне.

Я молча протянула ей хлеб. Лопоухий ничего мне не сказал — тоже ее пожалел, значит... Хлеб должен ей помочь, ведь она его не отняла, а получила в подарок.

Были у нас еще встречи, и попадались нам все такие доходяги, прямо хуже Лопоухого! Каждому по кусочку, каждому по кусочку... В общем, когда мы подошли к той скале, у нас всего полхлеба осталось, мы его и съели. Сели мы у скалы спиной друг к другу, чтобы не стать для кого-то легкой добычей, и уснули. Потом что устали очень.

Проснулась я от запаха свежего хлеба.

Подумала — снится. Открыла глаза и вижу: передо мной лежит хлеб, а над нами белая птица кружит и не улетает. Так она и кружила, пока я Лопоухого расталкивала, пока мы с ним половинку хлеба жевали. Другую-то половину я приберегла, я ведь запасливая!

Потом мы встали, чтобы дальше идти, а эта белая птица будто понимает: она вперед полетела. А мы за ней пошли и скалу впереди заметили, за которой она скрылась.

Вот так вот, от хлеба до хлеба, от скалы до скалы, мы и дошли с другом моим Лопоухим до самого моря. До моря!

Сначала ветер стал какой-то знакомый, мокрый, что ли... Потом вместо надоевшего тоскливого зуда мы услышали такое: уш-ш-ш... уш-ш-ш... уш-ш-ш... А после пошли горы из песка. Невысокие, но идти трудно, ноги вязнут. Потом мы взошли на одну горку, вперед поглядели, а там — вода. Много! Я и вспомнила:

— Знаешь, Лопоухий, что это такое?

— Водичка!

— А как называется?

— Скажи сама!

— Море это называется, глупый!

— Море... А я знаю, море должно быть синее!

— Чего-о?

— Синее море... — Вот чудак-то!

— Ты что, не видишь? Серое оно, как ты и я. Выдумал тоже — синее. Что такое — синее?

— Не знаю...

— Тогда молчи!

— Молчу. Ты только не бросай меня тут одного. Не сердись.

Во дает! Ну дурачок и дурачок, что с него взять? Пить море мы не стали, побоялись. Но подошли к нему близко-близко и стали мыться. Мы очень давно не мылись! Лопоухий после мытья даже похорошел.

— Ты теперь на зайчика похож, — сказала я ему.

— Кто такой? — спросил он подозрительно.

— Зайчик-то? Ну, серенький такой, с ушами.

— Не кусается?

— Нет.

— Тогда ладно. Буду похож.

А потом мы увидели около моря большой город и пошли к нему. Скоро дошли, потому что очень он нам издали понравился. Он и вблизи был не хуже. В городе были дома красивой лагерных барачков и даже красивой нашего домика. У них было много окон, двери были и еще такие штуки... балконы называются. То-

же красивые, железные! Мы вошли в этот город и стали в нем жить.

Люди в городе были хорошие. Они совсем между собой не дрались почти, только если скандалили. Правда, скандалили они часто.

Но так, ни с того, ни с сего, да еще на незнакомых, почти не нападали. Главное, никто не ел своих. Те самые хозяева, что у нас в лагере зверствовали, сюда тоже прилетали и кой-кого уносили в котлях. Но чтобы загрызть кого прямо на глазах у всех — нет, этого не было. В общем, даже Лопоухий согласился, что это мы очень правильно сделали, что пришли сюда.

Дом у нас появился, классный такой дом.

Тут полно пустых домов, занимай какой хочешь — никому не жалко. Вот мы приглядели один такой и заняли. Над ним была настоящая железная крыша, окна, а внутри — стол и два таких, на чем сидят. Ух, и здорово! Первое время мы с Лопоухим только и делали, что на этих сидели. Ногам очень удобно, и руки можно на стол положить. Сидим, смотрим друг на друга и успокаиваемся.

Никто нам не мешал. Иногда кто-нибудь из горожан заглянет в окно, увидит нас, выругается и отчалит. Мы их не очень боялись: мы были крепче, и у нас палка была. А еще эти, на чем сидят. Ими тоже обороняться можно, я это сразу сообразила.

— Мы тут всегда будем жить? — спрашивал меня Лопоухий.

— Посмотрим, — отвечала я. Но и сама думала, что лучше места нам не найти.

Мы часто ходили к морю смотреть на него. Садись рядом на берегу и смотри.

Та белая птица, что хлеб носит, увидела нас тут и стала хлеб сюда приносить. Прилетала она из-за моря, а потом опять туда улетала. Я знала, что один хлеб — это один день. Так и Лопоухому сказала. Он, как всегда, ничего не понял, только протянул:

— Какая ты умная!

Умной быть хорошо, это даже он понимал.

А люди в городе все были глупые. И все ругались.

Идешь по улице, а кто-то навстречу идет.

Я на него даже не смотрю, а он пристаёт:

— Ты чего по моей улице идешь? Вот как дам по голове! — Но я-то умная, я без палки на улицу не выходила. Погрожу ему палкой, — он и отстанет. А между собой они все время ругались. Встанут друг против друга и начинают:

— Ты чего лезешь?

— Сам чего пристаешь?

— Дурак!

— Сам дурак!

Ухватятся друг за друга и дерутся, только куски летят. Оба дураки. Я сразу отбегала от таких подальше, а Лопоухий вообще не любил ходить по улицам. Боялся. Но все равно это был хороший город. Может, мы бы тут и остались жить, если бы не дамба.

С того места, где мы каждый день встречали птицу с хлебом, был виден весь длинный берег моря. В одной стороне ничего не было, только песок и песок. А вот в другой стороне мы каждый день видели людей, которые что-то делали на берегу и в море. Мне любопытно стало.

— Давай пойдем, посмотрим, — говорю я как-то Лопоухому.

— Не надо! — заныл он по привычке. — Там люди! — Но я его уговорила, и мы пошли.

Подходим и видим, что на берегу что-то строят. И опять охранники-душееды с дубинками всеми управляют. Тьфу ты, попались! Нас живо схватили и заставили таскать камни.

— Все ты виновата... Лучше бы я дома остался! Пусть бы ты одна на работу ходила! — ворчал Лопоухий.

А мне работа сначала понравилась. Мы брали на берегу квадратные камни и несли их прямо в море, а там укладывали в такую стенку, дамба называется. Классно: кругом вода, и прямо в ней стена. По ней можно идти, как будто по мору. Я люблю, когда строят. Всякие разные вещи получаются — дома, дороги, дамба вот эта... Это правильное дело.

Тут одну интересную вещь я узнала. Вот когда несешь камень на самый конец дамбы, а там уже другие камни лежат, то просто кладешь его сверху и все. А вот если все камни сверху уложены, то надо другие класть уже на дно моря. И тогда мы с камнями в руках сходили прямо под воду и там их клали на место. Душееды стояли над водой и палками показывали, куда класть. А мы работали под водой. И ничего нам не делалось! В воде было темно, но все-таки стену и камни можно было видеть. Сначала мы с Лопоухим боялись спускаться под воду, а потом ничего, привыкли. Мне даже понравилось: работаешь, а заодно пьешь и купаешься. Класс!

Когда душееды приказывали всем садиться и отдыхать, строители рассаживались в такую длинную-длинную цепочку по берегу.

Чтобы не ругаться и не драться во время отдыха. Но все равно им это не удавалось. Обязательно кто-то садился слишком близко к соседу, и начиналась ругань, а потом и драка. Мы с Лопоухим садись всегда в стороне от всех. Это было плохо, что нельзя ни к кому подойти и поговорить. Не с Лопоухим же разговаривать!

Потом вот что случилось. Когда наша дамба была готова, нам велели ее разрушать.

Я подумала, что мы что-то не так построили.

Ну что ж, надо исправлять. Мы снимали камни сверху, поднимали их со дна и относили на берег. Там другие строители складывали их в большие кучи. Ладно.

Разобрали мы всю дамбу, и тут нам приказали строить ее снова — все как было. Кошмар! Я не выдержала, подошла к одному дядьке и спросила:

— Вот мы построим дамбу, а потом что?

— Сама не знаешь, стерва? Издеваешься? Вот как врежу сейчас!

— У меня палка — видишь? Скажи лучше, что мы будем делать потом?

— Разбирать, вот что, идиотка!

Меня как по голове ударило. А так все было ладненько! Дом у нас был такой хороший, с крышей и окошками, а в нем стол и два на чем сидят. Хлеб нам каждый день птица носила. И работа была такая полезная, мы дамбу в море строили. И двое нас было, я и Лопоухий. И вдруг все мне опротивело: ну не могу я строить и разрушать одно и то же без конца! Не могу, не хочу и все тут!

— Будем уходить, — сказала я Лопоухому.

Он сначала захныкал, заскандалил:

— Иди! Одна уходи... Найду себе другую бабу! — Откуда он слова-то такие знает? Помолчал, а потом говорит задумчиво:

— А другая хлебушка не даст...

Обалдеть! Вот ведь сволота ушастая! В конце концов он успокоился, затих и буркнул из угла:

— Когда пойдем-то?

— Завтра. Птица принесет хлеб, мы его съедим и пойдем за ней.

— Как это за ней? Она же над морем летит!

— А мы по морю пойдем.

— Прямо по воде, значит. А море-то голое, увидят нас! Поймают и бить будут или хозяевам отдадут.

— Не бойся, не увидят. Мы по дну моря пойдем.

— Заблудимся. Там темно.

— Не заблудимся. Нам ведь все равно куда идти, лишь бы отсюда подальше.

Тут меня очень удивил мой Лопоухий, уж так удивил! Он вдруг говорит:

— А хлеб в воде размокнет. Она мокрая.

— Так мы же его съедим!

— Не получится. У нас много хлеба. Не получится сразу съесть.

— Это откуда у нас много хлеба?

— А я кусочки прятал. Я ведь знал, что ты такая глупая и опять захочешь куда-то идти. Нет от тебя покоя! А по дороге ты наш хлеб всем раздавать будешь. Я тебя знаю. Вот я и насобирал кусочков. Они в доме спрятаны.

Обалдеть! Ну, удивил так удивил. Вот хитрюга! Пришли с работы домой, и он мне показал в углу старую рогожку, а под ней кучку мелких сухих кусочков хлеба. Сухарики называются. Вкусные — класс! — Тут бросим? — спрашивает он, а сам по кусочку в рот отправляет.

— Еще чего!

Я взяла то, на чем сидят, перевернула, и получилось то, в чем носят. Сложила в него все кусочки и поставила на стол.

— И не трогай, а то объешься перед дорогой. Придется тогда тебя тут оставить одного.

Это сработало. Ни сухарика он не взял, только поскуливал, глядя на стол. А у меня был план, как сделать, чтобы люди с дамбы не погнались за нами, когда мы будем уходить по дну моря. Я боялась, что душееды отправят их за нами в погоню.

На следующий день мы пошли к морю пораньше. Люди уже сбредались к дамбе, но душееды еще не появились. Они всегда позже приходили. Я встала у начала дамбы и крикнула:

— Кто хлеба хочет? Подходи!

Сначала никто не поверил. Потом один подошел, поглядел, а потом как бросится ко мне с кулаками:

— Хлеб, говоришь? Я тебе покажу, как издеваться! Я тебя отучу камни вместо хлеба подсовывать!

— Да ты попробуй! Возьми кусочек, не бойся.

Он протянул руку и взял. Глаза у него так и полезли на лоб. Он разом проглотил сухарик, а потом выхватил мою носилку с хлебом и кинулся убежать по берегу. И тут все остальные с воплями бросились за ним. Вот и ладненько. Так и было задумано.

Я схватила Лопоухого за руку и потащила к тому месту, где мы всегда поджидали нашу птицу. Мы как раз вовремя успели, она уже кружила над берегом.

И тут случился хороший случай: вместо одного хлеба птица скинула два. Мы стали скоренько есть, а она кружилась над нами и не улетала, пока мы не доели все и не пошли к воде.

Мы взялись за руки и пошли в воду. Лопоухий, конечно, рыдал помаленьку. Но скоро его не стало слышно, потому что вода покрыла нас с головой.

Мы шли по песчаному серому дну, вокруг была темная вода. А над нашими головами, над водой плыл белый крестик. Это наша птица летела, показывая нам дорогу.

Очень долго и очень трудно мы шли по дну моря. Было темно, тоскливо и глухо. Тишина стояла мертвая. В общем, кошмар. Мне было хуже, чем Лопоухому. Я видела, что он на ходу строит скорбные рожи, шевелит своими губищами — ворчит и жалуется. Ему так легче было идти. Он не сообразил, что я его не слышу в воде.

Долгое время мы шли в полной темноте, но я все равно шла и тащила Лопоухого за руку. Потом над нами снова появилась сначала белая искорка, а потом — белый крестик.

Птица наша нас не покинула. Значит, мы и в темноте не сбились, все время прямо шли.

Под конец пути у меня стали подкашиваться ноги. Я каждый шаг делала с трудом и почти сваливалась. А уже было ясно, что идти осталось недолго. Вода стала серой, и крестик над головой снова превратился в птицу.

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-135)

Люди молили о чуде, которое одно могло спасти их. Но их молитвы не были услышаны. Двери вскоре были протаранены, и турки ворвались вовнутрь. Самые старые и немощные прихожане были убиты на месте, остальные захвачены в плен. С женщин сдирали платки и шали и вязали ими пленников. "Кто расскажет о плаче и криках детей, - пишет Дюка, - о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, кто расскажет? Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами..., а если они силой отталкивали от себя, то их избивали... Если кто оказывал сопротивление, того убивали без пощады; каждый, отведя своего пленника в безопасное место, возвращался за добычей во второй и третий раз".

Священники в алтаре продолжали службу, пока не захватили и их. Однако, по преданию, в последний момент некоторые из них, взяв с собой священные сосуды, направились к алтарной стене, которая открылась, а затем сомкнулась за ними; там они останутся до тех пор, пока в соборе вновь не возобно-

вятся христианские богослужения.

Грабежи продолжались целый день. Турки врвались в мужские и женские монастыри и вязали насельников. Некоторые молодые монахи предпочитали смерть бесчестию и бросались в колодецы. Частные дома подверглись систематическому разграблению: выходя из дома, турки вывешивали у дверей маленький флажок, означающий, что брать там уже больше нечего. Жителей уводили с их собственным имуществом. Тех, кто падал от изнеможения, тут же на месте приканчивали, также как и младенцев, которые почти ничего не стоили на невольничьем рынке, - но, как правило, жизни пленников старались сохранить. В городе все еще было несколько великолепных библиотек, как светских, так и монастырских. Большинство книг было сожжено, ценнейшие рукописи уничтожены или затоптаны в грязь. Однако некоторые турки почувствовали, что смогут на этом заработать, и сохранили некоторые книги, которые потом продавали за несколько монет каждому желающему. Церкви систематически осквернялись. Украшенные драгоценностями распятия выносились из храмов с лихон напяленными на них турецкими тюрбанами. Мно-

гие здания были непоправимо повреждены.

К вечеру в городе уже нечего стало грабить; поэтому никто не протестовал, когда султан приказал прекратить грабеж. У солдат имелось достаточно дел в течение следующих двух дней: дележ добычи и подсчет невольников. По слухам, всего было захвачено в плен 50 тысяч человек; из них не более 500 были военными. Вся остальная христианская армия погибла, за исключением горстки людей, которой удалось бежать по морю. Число погибших превышало 4 тысячи.

Сам султан вошел в город через несколько часов после полудня. Его сопровождал эскорт из отборных янычаров. За ним следовали его министры. Он медленно проехал по улицам города к собору Св. Софии. Перед ее воротами он спешился, нагнул, набрал пригоршню земли и посыпал ей свой тюрбан в знак смирения перед Аллахом. Затем он зашел в храм и несколько мгновений провел в молчании, после чего направился к алтарю. По пути он заметил турецкого солдата, пытавшегося выкорчевать кусок мозаичного пола. Мехмед гневно остановил его и сказал, что разрешение грабить не означает, что можно разрушать здания -

их он намерен оставить себе. В соборе еще оставалось несколько греков, которых турки не успели увести в плен. Мехмед приказал освободить их и отпустить с миром по домам. Несколько священников вышли из потайных ходов позади алтаря и просили его о милости. Он тоже послал их по домам, выделив им охрану. Но он настоял, что храм должен немедленно быть превращен в мечеть. Один из его улемов взобрался на кафедру и провозгласил, что нет Бога, кроме Аллаха. Затем сам султан взошел на амвон и склонился перед своим Богом, даровавшим ему победу.

На следующий день Мехмед распорядился принести ему всю добычу и отобрал из нее часть, принадлежавшую ему как предводителю. Всех представителей знатных семей, переживших штурм, султан забрал себе. Хотя вначале Мехмед проявил милость к некоторым из них, в течение нескольких месяцев, по тем или иным причинам, почти все представители правящих кругов Византии были убиты или казнены. Мехмед решил лишить византийцев любой надежды на восстановление Империи.

Через три дня, когда завершился срок, официально отведенный на грабежи, султан издал фирман, согласно которому все греки, оставшиеся на свободе или уже выкупленные, могли вернуться домой: их жизнь и имущество отныне объявлялись неприкосновенными. Однако число таковых было невелико, да и многие дома оказались пригодными для жилья.

21 июля султан и его двор покинули завоеванный город и направились в Адрианополь. Константинополь был наполовину разрушен, опустошен и черен от пожаров; повсюду царил мерзость запустения. Церкви были осквернены и ободраны, дома - разрушены и необитаемы, лавки и склады - разбиты и растасканы. Султан, проезжая по улицам, прослезился: "Какой город мы отдали грабежам и разрушению", - прошептал он.

В 1456 г. были взяты Афины. Парфенон, более тысячи лет бывший христианской церковью, был преобразован в мечеть. К 1460 г. завершилось завоевание Пелопоннеса. В 1461 г. пал Трапезунд. Таким образом, все имперские территории, за исключением нескольких остро-

вов, перешли под власть турок.

В 1463 г. была завоевана Босния. В 1517 г. в Османскую империю вошел Египет. Так весь православный Восток, за исключением одной Руси, оказался в "агарянском пленении", которое будет длиться более четырех веков! И эпоха эта наложила глубокий отпечаток на восточное церковное сознание.

XVI. Нехалкидонские восточные церкви от эпохи Крестовых походов до турецких завоеваний

1. Двести лет истории крестовых походов, конечно, затронули не только православных христиан. Латинские пришельцы селились в самой колыбели христианства. Ко времени их пришествия в регионе веками существовали многочисленные местные христианские Церкви. Вспомним, что большая часть исламской территории первоначально была христианской. Арабы и турки в глазах латинян были не только язычниками и неверными, но и оккупантами принадлежавших христианам земель. Завоевание Иерусалима европейцами в основе своей виде-

лось возвращением утраченной христианской собственности.

Накануне Первого Крестового похода нехалкидонское население Сирии состояло главным образом из армян, сирийских яковитов, ливанских маронитов и рассеянных групп несториан. За границами франкских государств находилось многочисленное население коптов в Египте и Несторианская церковь, широко распространенная по всей Персии и Центральной Азии. Можно не упоминать, что жизнь под арабским политическим господством сильно ослабила эти народы и конфессии.

Правда, исламское общество позволяло им существовать. Ислам распространял определенную терпимость на христиан и иудеев, считая их "находящимися под защитой подданными", или "дхимми". Однако, несмотря на эту защиту, все немусульмане рассматривались как граждане второго сорта. Они страдали из-за неравенства перед законом, фанатизма толпы, различных видов психологического давления, унижений и оскорблений. Периодически они сталкивались с жестокими гонениями и

насильственными обращениями в ислам. Так что положение христиан в исламских странах всегда было достаточно шатким, не говоря уже о том, что принадлежность к гражданам второго сорта создавала определенный "менталитет гетто".

Тем не менее до XI в. обращение в ислам христианского населения Ближнего Востока и Египта шло весьма медленно. Приблизительно через два века после арабского завоевания "процент обращения" коптского населения Египта не достиг еще до половинной отметки. Иерусалим даже в конце X в. по-прежнему оставался по преимуществу христианским городом, большинство населения в котором составляли православные христиане. По некоторым предположениям, в то время даже и на всей территории Сирии и Палестины все христианские группы вместе взятые составляли большинство населения: во всяком случае, этот регион начал приобретать нынешний преимущественно суннитский характер лишь после вытеснения из него крестоносцев в XIII в.

Еще ранее, в X в., расширение границ Византии на восток - в Месопотамию, Сирию и Армению - привело Православную Церковь, после нескольких веков разделения, в непосредственный контакт с рядом неправославных групп. Многие еретиков начали насильственно переселять, другие сами бежали с имперских территорий. Можно не упоминать, что все эти "этнические чистки" были весьма неразумными и с точки зрения государственной политики, так как они привели к обезлюживанию пограничных областей и к дальнейшему росту ненависти к православным со стороны монофизитских и прочих группировок.

К моменту прибытия франкских поселенцев местные антихалкидонцы больше всего стремились к свободе религиозного культа и отсутствию преследований. Для них освобождение Иерусалима с его святынями - та цель, к которой больше всего стремились латинские крестоносцы, - не играло особой роли. Религиозная свобода для них значила куда больше.

Во время латинского владычества все эти группы добились религиозной автономии. Латинские государства были слишком слабы, чтобы вступать в религиозную полемику, так что они предпочи-

тали ее избегать. Кроме того, латиняне воспринимали армян, несториан, маронитов и яковитов как еретиков, которые, следовательно, не могли быть автоматически возвращены в западную церковную организацию. В результате ко всем этим группам, к их счастью, было совершенно иное отношение, чем к православным христианам, которым изначально было отказано в какой-либо автономии. И маронитам, и армянам, и яковитам было позволено иметь собственную иерархию, за что они были весьма благодарны латинянам.

И все-таки латинскую терпимость и широту взглядов не стоит преувеличивать. В общем, во франкском королевстве сложилась типичная колониальная ситуация. Латиняне не слишком отличали друг от друга всех местных жителей с их бородами, тюрбанами и восточными одедами и не слишком доверяли им всем. В результате две группы населения почти не смешивались друг с другом.

С другой стороны, после возвращения крестоносцев в Европу мусульмане начали относиться с такими же недоверием и подозрительностью к местному христианскому населению. Их положение по завершении эпохи крестовых походов сильно ухудшилось. По словам

современного английского историка, "дело, начавшееся с целью защиты христианства, почти что стерло с лица земли восточное крыло христианства". Если в XI в. это крыло составляло большинство населения в ряде территорий, то по окончании крестовых походов оно сократилось до положения малочисленного и маргинального меньшинства.

2. К началу франкских завоеваний **Яковитская церковь** уже перешла на арабский язык, хотя богослужение продолжала совершать на сирском. В крестоносных государствах большинство яковитов проживали на севере между Антиохией и Эдессой. Их общины также имелись во многих городах Сирии и Палестины и даже на Кипре. Большая же часть яковитов находилась на исламских территориях к востоку от латинских земель. Они управлялись специальным патриаршим викарием, который назывался мафриан. Патриаршая кафедра была в Антиохии, хотя сам патриарх предпочитал проживать в одном из яковитских монастырей близ Эдессы. Община считалась довольно многочисленной: в XII в. у яковитов было до 35 епископов.

Можно еще раз напомнить, что обладание политической властью в Палестине, по всей видимости, не казалось

столь же привлекательным местным нехалкидонским христианам, как большинству латинян, стремившихся к владению Иерусалимом и его святынями. Немаловажен тот факт, что Иерусалим никогда не был патриаршей кафедрой ни для одной из нехалкидонских групп, кроме армян. Но это не значит, что нехалкидонцы не чтити этого города. Паломничество в него предпринимали они все, в том числе и далекая Эфиопская церковь. Так как франки позволяли всем нехалкидонцам сохранять своих епископов, яковитская иерархия спокойно существовала на их территории. Латиняне лишь, как и мусульмане до них, оставили за собой право утверждения всех епископских назначений, в том числе и самого яковитского патриарха. Однако латинская терпимость была не более чем снисходительностью. Местные христиане оставались в их государствах гражданами второго сорта. Те, кто были дхимми для мусульман, стали дхимми для крестоносцев.

Симпатии яковитов к латинянам, а затем к монголам оказались роковыми для яковитской церкви.

(Продолжение в №137)

Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение! Расписание богослужений

Май

Пн. 03.05.2021 г. – Сб. 08.05.2021 г. – Светлая Седмица – сплошная.

Чт. 06.05.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Пт. 07.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Малое освящение воды. Иконы Богородицы «Живоносный Источник»

Сб. 08.05.2021 г. — 16:00 — Панихида. Всенощное бдение.

Вс. 09.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. АНТИПАСХА. Благодарственный молебен.

День Победы.

Пн. 10.05.2021 г. — 16:00 — Вечерняя служба.

Вт. 11.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Панихида. Радоница. Поминание усопших.

Сб. 15.05.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 16.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Святых жен-мироносиц.

Пт. 21.05.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Сб. 22.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Святителя Николая Чудотворца.

Сб. 22.05.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 23.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Вс. 23.05.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Пн. 24.05.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Св. равноапостольных Мефодия и Кирилла.

Крещение и венчание по договорённости, по прохождении двух огласительных бесед

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,

если стала ветхой, сожгите.

Редактор: протоиерей Максим Липунов
Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 100 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11:00 до 14:00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00